

*Soda
Press*

Дарина Стрельченко

ИСЧЁРКАННАЯ

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
С84

Книга издана с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

С84 Дарина Стрельченко.
Исчёрканная : [роман] / Дарина Стрельченко. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-229879-0

Маргарита пытается начать сначала — после колонии и прошлого, которое уже никуда не денется. Ильяна, слишком умная для своих двенадцати лет, живёт там, где ей совсем не место. Мирра — инспектор по делам несовершеннолетних, которая должна защищать детей.

Но что, если правила не работают? В обществе, где взрослые заняты выживанием, а система — отчётами, остаётся только впрягаться друг за друга. Вот разве что спасать других бывает опасно, особенно если сам держишься едва-едва.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Дарина Стрельченко, 2024
© Издание, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026.
Soda Press

ISBN 978-5-04-229879-0

Cover art © by Evangeline Gallagher, 2025

*Всем отчаянно смелым.
Всем смелым мудро и вдумчиво.
Всем бесстрашным и ведущим за собой.
Всем, кто ещё только учится
принимать ответственность,
выбирать, думать и действовать*

1

Гляибля

В школе их называли Галевали. Маргарита звала их Гляибля. Гляибля сидели на подоконнике, солнце светило им в спины. Контур был ярким и чётким, такая картинка могла бы стать хорошей татуировкой. Само собой в голове сложилось название: «Мои врагини». Галя курила, Валя бесконечно обновляла свою стену ВК. Галя улыбалась и щурилась как кошка, её светлые волосы отливали на солнце платиной. Из раскрытого окна пахло весной, кленовые ветки царапали стёкла. Заметив Маргариту, Галя прикрыла левый глаз и окликнула Валью:

— Глянь, кто выполз.

Валя оторвалась от телефона и засмеялась. Смех у неё был красивый: мягкий и звонкий. Галя тоже засмеялась — рассыпчато и резко.

— Ри-ита, — протянула она. — Покуришь с нами?

Внутри у Маргариты всё сжалось. Стремительно и привычно вскипели ярость и страх. Как обычно, победило «не лезь». Тебе же хуже. Ты уже столько раз огребала — мелкая и слабая. Их не победить, не осилить. Уйди.

Она прикинула расстояние до двери кабинета. Если рвануть прямо сейчас, пока они расслабленные, — проскочит. Маргарита рванула. Не рассчитала. Галя рывком подвинулась, опустила ногу, и Маргарита, запнувшись об неё, повалилась вбок и ударилась о батарею. Сквозь искры из глаз заметила, как Галя спрыгнула с подоконника. В ушах затрещало, а в носшибануло табачное Галино дыхание. Рука с розовым браслетом мелькнула перед лицом, схватила за волосы и дёрнула вверх. Маргарита закричала, и Валя соскочила с подоконника, чтобы прикрыть их от учителей, которые могли заглянуть в коридор на перемене.

— Ну вот, может, хоть прояснится в голове, — встряхивая Маргариту, хмыкнула Галя. — Может, уяснишь своё место, нищесбродка тупая, наконец-то. Я тебе сколько раз говорила: не вылезай, не пугай народ.

Голова моталась, всё прыгало перед глазами. Маргарита стояла на четвереньках, и вырваться из Галиной хватки не получалось.

— Как же от тебя воняет, а! В твоей дыре всегда такой запах или только когда папаша приходит? Валь! Позови Марата, надо её помыть.

В ушах шумело, Галины слова доходили с задержкой, как сквозь помехи. Кожа на затылке горела — от удара и от того, что Галя тянула и тянула за волосы. Перед глазами поплыли огненные круги.

— Как мыть будем? — где-то наверху деловито уточнила Валя. — В раковину не влезет.

— Чего надо? — лениво выглянул из кабинета Марат.

— В унитаз окупём, — решила Галя. — Маратик, не торМОЗИ! Ну!

Маргарита забрыкалась, но Марат заломил ей руки. Галя продолжала держать за волосы, голову пришлось наклонить,

чтобы не тянуло так зверски. Теперь Маргарита видела исцарапанный линолеум и слетевший с косички краб. Потом Галя отпустила волосы, а Марат потащил её в сторону туалета. Краб исчез, линолеум продолжился. Маргарита замычала, упираясь и дёргаясь.

— Да заткнись ты!

— Сейчас хлебнёт водички из унитаза и заткнётся. Давай, Маратик!

Маргарита извернулась и укусила Марата выше колена. Вряд ли ему было больно сквозь джинсы — скорее разжал пальцы просто от неожиданности. Маргарита по инерции рухнула вперёд, выставив руки. Схватила за затылок. Волосы были липкими, от макушки растекалась острая и горячая боль.

— Не хочешь мыться? — участливо спросила Галя.

— Ах ты сучка мелкая, — процедил Марат, растирая место над коленом, — зубы как у щуки!

— А я уже мыло нашла, — расстроилась Валя.

— Может, тебе и рот вымыть? С мылом?

Галя вернулась на подоконник, смотрела снисходительно. Было хорошо видно белые ниточки — шрамы у неё на лице. Длинными ногтями Галя стучала по наслоениям краски: трык, трык, трык. Теми же ногтями, которыми расцарапала Маргарите спину, когда в раздевалке перед физрой стягивала с неё лифчик. Трык. Трык.

Зазвенел звонок. Маргарита, пошатываясь, поднялась.

— На черчение торопишься? — ухмыльнулась Галя. Затянулась, потушила сигарету об облупленный подоконник. — Ничего, мы недолго. Маратик, смотри, не провоняй от неё, пока моем.

Затылок горел. Рывками, проталкивая по сосудам кровь, стучала ярость. Её было меньше, чем страха. И боли тоже

было меньше. Но Маргарита сделала шаг, в затылке выстрелило, и боль и ярость соединились — слились с кислой грубой тряпкой из подсобки, с гаденькими усмешечками, с харчками на парте... Сплавилась во что-то. Маргарита плохо осознавала, что делает. Не понимала даже, что низкий утробный звук, который она слышит, — её рёв.

— Куда это наша мразотка рванула?

Она двинулась вперёд, ускоряясь и тяжелея. Галя болтала ногой в лакированной туфле. Маргарита добралась до неё в один скачок — может быть, поэтому никто не успел ничего сделать.

— Эй! Ты чё?

Холодная рисовая каша в волосах, разлитое в кеды пиво, хотот... Тетрадь «Потрогай Риту» с подсчётом очков. Как она размахивала руками, отбиваясь...

Нелепо, забыв сжать кулаки, Маргарита толкнула Галю ладонями — в плечо и в грудь. Неумело, со всей силы. Галя покачнулась. Маргарита очень долго смотрела в её расширившиеся глаза, успела даже скосить взгляд на зажатую в пальцах сигарету, прежде чем Галя повалилась назад. Взмахнула руками, тихонько ахнула и исчезла за подоконником. Мелькнули юбка, колготки, ноги в лаковых туфлях.

Заверещала Валя. Кто-то закричал в коридоре. Маргарита стояла, так и не опустив руки. Колотилось сердце — как будто она петляла по школе, убегая от Гляибля, — и стучало в ушах. Она ватными пальцами взялась за край подоконника, выглянула наружу.

Снег во дворе давно растаял. Галя лежала на сухом асфальте, поверх надписей, которые каждый год оставляли выпускники. Под ней расплывалось красное пятно, и она не шевелилась.

2

Змея

Минута, в которую Маргарита смотрела на выпавшую из окна Галю, оказалась последней, когда время шло нормально. Дальше оно то растягивалось, то сжималось крепко и наглухо, чтобы потом выстрелить очередью лиц, событий и слов.

— Приговорить к четырём годам воспитательной колонии.

На голову будто обрушили ведро воды. Вода залилась в глаза, в уши и в нос и не уходила. Маргарита ничего не могла сказать. Зашёл конвой, и её повели куда-то. Перед глазами всё лежала на асфальте Галя. Нет, не может этого быть. Не могла она такое сделать. Нет, нет. Да нет же!

Мама не пришла ни на первый суд, ни на второй. На первом Маргариту приговорили к заключению в ВК 116/53 за непредумышленное убийство. На втором было что-то ещё, она не запомнила. Она пыталась объяснить им всем: «Я не специально это. Вернее, специально, но я не думала, что так кончится... Она доводила меня, конечно, но не могла же я нарочно выбросить из окна человека! Я не хотела её убивать!

Да как вы не понимаете, не хотела, мне так страшно, когда я об этом думаю, а оно само думается, я пытаюсь выключить, а оно не выключается, Галя постоянно перед глазами: одна туфля слетела, рот открыт, и волосы в рот попали... Выключите, выключите это, пожалуйста!..»

Никто ничего не выключил. Оказалось, Маргарита ничего из этого не говорила вслух. Только видела и кричала молча.

Потом её определили в карантин. Две недели. В голове всё билось — Гляибля.

— Никаких глупостей, поняла? Попадёшь в СИЗО — на УДО не рассчитывай. А так можешь написать ходатайство уже через год. — Это сказала соцработник, прежде чем Маргариту забрали в карантин. Мила? Мирра? Маргарита запомнила только, что и в имени, и в отчестве было много «рг», «гр». — Не бросай школу ни в коем случае, попробуй устроиться помощником на кухню или разнорабочей. На руки деньги не получишь, но накопишь сколько-то.

Гляибля. Галя не отступала от неё ни на шаг, хохотала в ухо.

В СИЗО Маргарита решила, что сходит с ума. Куда её привезли? Камера была маленькая, внутри никого, но всюду вода. Временами казалось, что вода поднимается внутри и снаружи, затапливает её, как гнев, как ярость на Галю, из-за которой она тут, как отчаяние и бессилие, как злость на маму, которая привела отчима, которая выбрала его, оставила Маргариту одну со школой, с этой позорной тетрадью, с Галей, Валей... Гнев топил Маргариту, она задыхалась в нём.

А потом её отправили в другое СИЗО, и там были ещё люди, кто — она не помнила. Приехала знакомая соцработник — всё-таки Мирра, не Мила. Мирра Григорьевна. Мигрень. Сказала, что всё будет хорошо. Как всё могло быть хорошо, Маргарита не понимала, но крутила и крутила до тошноты,

теряя чувство реальности: что было бы, если бы она не бросилась к кабинету тогда? Если бы не вырвалась от Марата, не толкнула Галю? Пусть бы просто ударила. Пусть бы от всей души вмазала, зубы выбила, протащила бы по полу, как они сами с ней делали! Но не вытолкнула... Не убила... Но она убила. Она теперь вот уже несколько недель как убийца. Как те мужики из фильмов. Как маньяки из книг. Как отсидевший отчим. Она такая же. Как эта соцработник может говорить, что всё будет хорошо, если Маргарита — убийца? Это как постоянный пожар внутри, постоянный чёрный огонь, разъедающий, скручивающий, его не потушить, он ничего не даёт, он жить не даёт... Везде вода, но она не может это заглушить, Маргарита тонула и задыхалась одновременно, и это длилось, длилось, она так ждала, что наступит конец, но его не было, дна не было, был ужас без конца, эта выгрызающая внутренности вина, и злоба, и ярость на себя и весь мир, и опустошение, и тоска, и желание только опуститься наконец на дно, зарыться в ил и сдохнуть, чтобы не чувствовать.

Нельзя было всплыть. Там, вверху, был мир для нормальных. Как всё может быть хорошо после такого? Как?!

А потом была девочка, которую прикрепили к Маргарите на десять дней, чтобы она поняла, что и как. Худая, светловолосая, с глазами-блюдцами. «Птичьи косточки» — так мама говорила про худых. Когда-то. В той жизни. Мама так и не пришла ни разу, только письмо потом передала через Мирру, сильно, сильно позже.

В строю, глядя в чей-то затылок, Маргарита шла куда нужно. Шла, шла сквозь дни, пока в какой-то момент не обнаружила, что вокруг гулкий прохладный зал столовой. Стояло эхо от стука ложек, пахло супом. Рядом, отодвинув скамейку, села Галя. Маргарита в ужасе отшатнулась. Убежать было нельзя. Только отвернуться.

— Ешь давай. Ты ж совсем как скелет! Маргарита, ешь, говорю!

«Птичьи косточки» села с другой стороны, и Галя ушла. Ушла! Маргарита, чувствуя, как выпрыгивает сердце, никак не могла вспомнить имя соседки. На нашивке было написано: «Е. Мегрец».

— Ешь. Тут съедобно готовят, бывает хуже. — Соседка словно прочитала её мысли, напомнила: — Я Лена. Я с тобой буду.

Маргарита с ужасом ждала, что Галя вернётся. Но Гали не было — ни днём, ни вечером. Только ночью она караулила у двери, но не могла подойти, потому что на её пути спала Лена. Маргарита не понимала, как худая спящая Лена может не пускать хохочущую сумасшедшую мёртвую Галю, но она как-то это делала. Маргарите было неважно — как. Она вцепилась бы в Лену, не отпускала бы, если б могла. Но был режим, и было нельзя. Она свернулась под одеялом, стараясь стать незаметней, сунула под подушку изгрызенные до мяса ногти и приготовилась к очередной порции кошмаров, к дурной бесконечности, где она из ночи в ночь, изо сна в сон толкала Галю в окно. Но в эту ночь Галя так и не смогла к ней пробраться.

Несколько дней спустя Маргарита оказалась в большом помещении вроде класса. Она долго смотрела на листок с заданием, не понимая, что от неё хотят. Потом вспомнила слова Мирры про школу, и ещё Лена объясняла, что будет какой-то тест. Она взяла ручку, это пробудило воспоминания: крошки от мела на ногте, листок в клеточку, «Потрогай Риту». Но всё это было как сквозь запотевшие стёкла. Маргарита придвинула лист, стала что-то считать, складывать и вставлять буквы.

Её зачислили в восьмой класс, вместе с девушками, у которых сланцы были из разных пар и почему-то разных цветов.

Позже Маргарита узнала, что классы собирают не по возрасту, а по уровню знаний.

— Тут храм есть. Можно в колокола звонить, — сказала Лена, когда шли из школы. — Ещё можно профессию получить. Успеешь выучиться на пекаря, например.

— Успею? — тупо спросила Маргарита. — До чего?

— До выхода, — объяснила Лена. Навстречу шли девушки сильно старше, наверно под восемнадцать, — все в татуировках. Лена рассказала, что такое делается легко: достать из тетрадки скобку, заточить, впаять над огнём в ручку. Поджечь пластмассу. Сажа скопится на стекле, потом нужно её смешать с шампунем, и будут чернила. Выбираешь рисунок, ищешь мастера. Партак* готов.

— Ты-то откуда знаешь? — равнодушно удивилась Маргарита. Лена была чистенькая, белокожая, без единой татуировки. А мысли в голове толпились, как мутные пузыри: Галя на подоконнике, надписи под окном на асфальте — тоже почти как татуировки. Очень страшно было, что Галя подойдёт близко. Она маячила на краю сознания, бродила по двору, но, когда рядом была Лена, не совалась.

— Ижка рассказала, — ответила Лена, но Маргарита не услышала сквозь гомон воспоминаний.

Гляибля. Гляибля. Гляибля.

— Ты старое-то забудь, Маргаритка. Смотри тут никого из окна не выкини. Забудь старое и учись уже какие-то взрослые движения делать. — Это ей велел кто-то из старших в школе. Раньше она бы взъелась на «Маргаритку», но теперь было всё равно, лишь бы не Рита. Её тут почти все звали Маргариткой. Нормально.

---

* Партак — самодельная татуировка.

Если поднять голову во дворе, можно было увидеть берёзы, стены, вышки и колючую проволоку. Низкое и плоское небо наблюдало, как одни люди стерегли других. Иногда Маргарите казалось, что на стене сидит и вытирает кровь Галя.

В проволочном загоне возле школы жили куры — как будто тюрьма в тюрьме. За ними нужно было ухаживать: класть золу и гравий, мыть курятник щёткой с уксусом — это называлось «психологическая адаптация». В библиотеке стояло собрание сочинений Джека Лондона в чёрной обложке — Ленино любимое. С первого дня Маргарите запомнилась масляная краска на стенах. Ещё скрипучий пол, вытертая дорожка между кроватями. Кухня. Капуста. Девочки классом младше, которые не знали, что «а», помноженное на «2», равняется «2а». Позже Маргарита не понимала, почему из всего этого: курицы, Джек Лондон, кухня — крепче всего в память врезалось «2а».

— Пусть это будет самое плохое, что с тобой случилось, — сказала ей как-то перед отбоем Лена. — Дальше будет лучше.

Можно было звонить по стационарному телефону четыре раза в неделю. Кто-то раз за разом клал трубку прямо перед Маргаритой, и она запомнила у звонившего татуировку-пластырь на запястье. Она не знала, кому позвонить.

Примерно через неделю в швейной мастерской она не успела дошить наволочку вовремя. За это весь отряд заставили читать правила внутреннего распорядка вместо кино. Потом с ней опять говорил кто-то из старших:

— Ты так больше не делай. Веди себя хорошо. Ты нас не подставляй. Тебе же надо выйти отсюда с хорошей характеристикой, да?

Всякий раз, когда Маргарита выглядывала во двор, внизу чудилась Галя. Она пролежала на асфальте всё лето и почти всю осень. В октябре выпал снег, и асфальт исчез. Ещё

Маргарита заметила, что всё внутри выдохлось. Было темно, пусто, но больше не жгло. Почти не жгло. Теперь только чугунный шар катался где-то в груди и в мозгу: ты убийца. Взяла и человека убила. Если вставать, ходить, говорить аккуратно, не тревожа шар, — можно было жить. Маргарита плыла, как в тумане. Не хотелось ни видеть, не чувствовать, хотелось забраться в нору, чтоб не трогали, но так было нельзя. Приходилось оберегать шар, чтобы он не разорвал, не разбил её изнутри.

— Если будешь на баланде, там малина растёт, пустят собирать её для компота. Слышишь? На баланду иди. Ну на кухню! — Это снова кричала Лена. На самом деле она спокойно рассказывала, но Маргарите казалось, что голоса до неё добираются сквозь что-то рыхлое, влажное, и нужно кричать, чтобы было слышно. А Лена была полупрозрачная, совсем тщедушная, не всегда могла докричаться. И про малину Маргарита толком не слышала. Вода всё не уходила, и она жила под тёплой толщей, отвечая невпопад, с задержкой, почти не чувствуя голода. От этого резкие повороты казались плавными. Маргарита скользила по ним, как по ледяной горке, как по кольцам змеи. Прошло бесконечное, жёваное, зажатое время, прежде чем она услышала вдруг:

— Эй, Маргаритка, тату хочешь? Змею набью.

Укол скобкой. Кровь. Боль. Шар взорвался от крика, Маргарита вынырнула из-под воды и сказала:

— Хочу.

3

Пластырь

— Всё очень просто, — сказала Лена, вытаскивая из-под досок лопату. — Предельно. Есть пропасть. Есть шар, который в неё катится. И есть чудо.

Лена не удержала скользкую лопату и уронила. Маргарита не успела подхватить, и на грохот выглянула надзирательница. Лена крикнула:

— Всё в порядке, Мария Ивановна! Просто лопата упала.

— Зачем вам лопата?

— Мы яблони будем сажать.

Мария Ивановна убралась обратно в каморку. Лена дождалась, пока там забормочет телевизор, поправила съехавшую косынку и продолжила:

— Чудо приходит в самый последний момент. Это классика жанра, сюжет Пасхи.

Маргарита не очень помнила, в чём сюжет Пасхи, но перебивать не хотелось. По тесному внутреннему двору гулял ветер, было зябко. Она плотней запахнула куртку, машинально

проверила, на месте ли нашивка с фамилией. Лена подняла лопату и сунула ей в руки:

— Пошли.

Сама она взяла тяпку и лейку. Расстегнула куртку и вытерла лоб. Пока они тащили инструменты, Маргарита гадала, какое кино сейчас смотрит отряд. Особого смысла в этом не было: она всё равно не там, с ними, а здесь, с Леной, — прёт на себе лопату. Но она бы и не такое пёрла, лишь бы не оставаться одной. Там, в отряде, можно было оказаться одной даже среди тридцати человек. Там всё ещё могла подобраться Галя. Здесь, с Леной, безопаснее. После всего, что осталось в школе, после оглушённости первых недель в колонии знать, что ты с кем-то... ну, как когда мама в детстве прощала, переставала ругаться. Даже нет, сильнее. Быть с кем-то значило быть защищённой от себя. С кем-то, кто знал, что ты убийца, и всё равно звал сажать яблони.

Маргарита не могла представить, что Лена тоже убийца. Что она покалечила кого-то, или ограбила, или обманула. Была уверена, что Лена попала сюда случайно. Но Лена ничего не рассказывала.

Над головой, в рамке из колючей проволоки, бежали тучи. За углом хозблока Лена остановилась и посмотрела в небо.

— Надо успеть до дождя, а то потом в грязи придётся барахтаться.

— Где копать? — спросила Маргарита, прислоня лопату к забору у курятника. Закачала брезентовые рукава — из-под правого выглянула змея. — И что насчёт чуда-то?

Лена ногой раскидала камешки, ткнула носком ботинка в четыре места.

— Тут. Тут. Вот тут и вот тут. Минимум на расстоянии метра. По поводу чуда... — Она снова задрала голову, рукой нащупала черенок лопаты. — Ну, в последний момент — в смысле,

тогда, когда уже без чуда никак. То есть ты сделал всё, что мог. Вот просто всё. А зло оказалось сильнее. И вот в этот момент происходит чудо. Но только с условием, что ты реально сделал всё, что мог. Совсем всё.

— Сурово, — буркнула Маргарита, отбирая у Лены лопату и втыкая остриё в землю. — Блин, как камень! Мы сто лет копать будем. Может, всё-таки дождя подождём?

— Я ж тебе только что объяснила, — с досадой сказала Лена. — Чудо — только когда ты приложил все усилия. Какое, извини, пожалуйста, чудо к тебе придёт, если ты просто дождёшься подходящих условий?

— Я дождусь дождя, и мне не надо будет чуда. Я буду просто копать.

Лена посмотрела на Маргариту, как смотрела на мелких, которые воровали диски с фильмами из комнаты отдыха. Вздохнула:

— Рита, я же не заставляю. Ни копать, ни слушать меня. Ты сама предложила. И сама спросила.

— Маргарита, — поправила она, и что-то ёкнуло: вдруг оттолкнёт Лену резкостью?

— Прости. Прости, Маргарита. — Лена улыбнулась, задумчиво посмотрела, будто приглашала рассказать, что не так с кратким именем. Маргарита качнула головой, раздраемая раздражением на себя, на Лену, на эту каменную землю и тупую лопату, на орущих ворон и маленькие кривые саженьцы, которые привезли Ленины родители к её дню рождения. Жалко, что нельзя было их увидеть. Любопытно, Лена в отца или в маму такая тонкокожая, уязвимая, какая-то совершенно непроницаемая? Упёртая в свои принципы, как осёл...

— Лена, я правда не понимаю. Окей, чудо, Пасха, всё остальное. — Маргарита ещё раз ткнула лопатой в зем-